

НАТАЛЬЯ ХАРЛАМПЬЕВА

ЖИЗНЬ — ВЕЛИКАЯ РЕКА...

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ*

* * *

Преклонный возраст стелет мне снега,
Волнистый голубой ковер под ноги.
И разучились плыть на облаках
Мечты мои — голубки, недотроги.

И то, что наживалось, береглось,
Поблекло, пообтерлось, поостыло.
То, чем дышалось, наполнилось, жилось,
Не сберегло горячей прежней силы.

Но все ж, как прежде, верую в добро,
Хотя не раз впадала я в сомненья.

ХАРЛАМПЬЕВА Наталья Ивановна родилась в 1952 году в поселке Маган, в Якутии. Окончила историко-филологический факультет Якутского государственного университета. Работала литературным сотрудником в газете, инструктором сектора печати обкома КПСС, секретарем Кобяйского райкома партии, заведующим отделом культуры газеты "Кыым", главным редактором Якутского книжного издательства, первым заместителем министра культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия). Член Союза писателей России с 1988 г. Автор многих стихотворных книг на якутском языке, а также нескольких в переводе на русский. Народный поэт Республики Саха (Якутия). Живет в Якутске.

* Публикуются при участии Международного сообщества писательских союзов (МСПС). Перевод с якутского И. Тертычного.

И мне иной земной не нужен рок,
Мне по сердцу мое предназначенье!

Преклонный возраст, не робей, иди,
Волнистые снега стели под ноги,
Не выверяй заранее пути,
Не сглаживай ухабы и пороги.

* * *

Жизнь — река, великая река.
Проплывает мерно, величаво.
Что сулит она? Покой да благо.
Но, глядишь, вскипела на излучке
И пошла волной на берег мой...

Жизнь — река, великая река.
В половодье нет ей укорота:
Широка, могуча, всё сметает...
Но, однако, мой обходит берег,
Не смывает золотой песок.

Жизнь — река, премудрая река.
Даст тебе свое благословенье,
Род благословит, продленье рода,
Твой уход в немые дали примет —
Без печальной нашей суеты.

Жизнь — река, великая река.
Властно увлекающая сила!

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Душа моя билась
Меж землю и небом,
У шва, где небо и земля сходились,
У тропки неясной, где
 звезда скатилась,
У сырости темной,
 где зачинается дождь,
У утесов каменных,
 где рождается заря...

То был миг,
 когда болезнь
Плоть мою терзала,
Душу мою пыталась разорить.
 Таяло в воздухе;
Что бы ни потрогала —
 открывалось раной,
Счастье с бедой смыкалось,
Зло с добром целовалось,
Белое с черным сливалось...

То был путь
 возвращения к себе,
 спасения себя.
По крутому яру
 мрачной бездны,

По тернистой дороге
 возвращения к жизни,
По шву, где сходятся земля и небо,
По тропке неясной,
 где звезда скатилась,
Я вернулась...

Встала на дорогу,
 величавую, опасную,
Срединного мира своего,
Затаила в себе узнанное,
Огляделась вокруг
 и мудро и холодно
Поняла: кто есть кто —
И спокойно приняла,
Силы нашла всё принять,
 Всё — как есть!

СОН

Восседая на шкуре бурого медведя
В могол-урасе*,
Некто сурового, строгого вида
Брови насупил и зорко взглянул на меня.
Странники-ветры до слуха моего донесли,
Что за словами совсем не следишь,
Зори утренние так говорят...
На тверди срединного мира
Плохое ль житьё?
Век-то какой тебе славный достался,
Этого ли не понять?

И тут шевельнулся
Стоящий в сторонке советник
С набрякшими веками,
Засеменил,
 пал на колени
И горячо прошептал на ухо хозяину что-то.

— Вот как! — зорко взглянул на меня тойон
И взмахом руки
 отправил вон своего человека.
— Ты зрелая женщина,
И пора бы остепениться.
По велениям высших
Мы наделили тебя вещим даром,
И теперь не до забав!
Если дар растеряешь,
Не ждать ли расплаты...
Если не будет управы словам,
Не настигнет ли кара...

Ты слыхала такое,
Чтоб вещей певец
Жил в объятиях счастья?

* Могол-ураса — богато убранный высокий шатер, покрытый вшитыми берестяными пластинами.

Чтоб купался он в неге?
Чтоб его окружало богатство
И тешила роскошь?
Наделенные даром вещего слова
Не знают покоя
И, может быть, даже славы посмертной.

ИЗ ЯПОНСКОЙ ТЕТРАДИ

В городе Киото темные вечера.
В близком небе чистые звезды.

Под крышей изогнутый кто-то
Шепчет, шепчет, шепчет... Молится.

Кто-то просит у Всевышнего
Толику счастья несчастному.

Древний город, древний бог,
А молитва новая и беда новая.

А я прошептала просьбу о счастье.
Признала чудо вечера в Киото.

* * *

Ласкаемое дыханьем востока,
Солнце выплывает из моря
И сияет, и светится, как
Лицо застенчивой девушки.

А вечером в западные воды,
В темные тяжелые волны,
Сердитое медное лицо
Прячет старый мужчина.

Таким вот мне явились
Рождение солнца и закат его...

* * *

И трепет мира этого,
И все его добро
Заключены таинственно
В один короткий миг.

Века сводя ли разные,
Иль к году ставя год,
Сумей сберечь единственный
Короткий чуткий миг!

Растают в миге радости
И счастье, и печаль,
И через миг является
Судьбы святой завет.

Отдай поклон мгновению,
Вдохни его легко,
Ведь он не возвращается,
Ведь он неповторим!

* * *

Материнство не в том,
Что ребенок
Является в мир
Через боль,
Что растет помаленьку
И радости милые
Дарит...

Мне порою,
Когда моя дочь,
Ненаглядное солнце мое, —
На меня,
Говорят,

Так похожая нравом и статью, —
У плеча моего
Молчаливо
И вровень со мною
Стоит,
На высоком стоит берегу
Бытия
И с любовью,
С пониманием и нежностью
Смотрит в глаза, —
Вдруг становится ясно,
Что, пожалуй, теперь
Званье матери
Я заслужила вполне...

* * *

Когда стужа
Ломала чашу,
Когда в просторах
Пурга бушевала, когда зноем
Тяжко душило,
Когда осень
Хлестала не жалючи, —
Саха,
Мой предок древний,
Видел в этом
Не зла верховодство,
А священную силу Природы.
Она закаляет человека,
Она удостоверяет человека,
Она считает его родным.